

**Ю. М. ЛОТМАН
И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Шатин Ю. В.

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация. В статье автор пытается определить вклад Ю. М. Лотмана в развитие основных положений теории литературы, которые наряду с исследованием проблем культурологии и истории русской литературы сыграли исключительно важную роль в филологической науке. Среди большого числа монографий и статей тартуского исследователя в статье выделяются «Лекции по структуральной поэтике» (1964) и «Культура и взрыв» (1992). По мнению автора данной статьи, именно в этих работах осуществился основной прорыв, положивший конец господству догматического литературоведения и открывший новые возможности в отечественной филологии. В частности, в первой книге впервые было обосновано понятие структуры как гносеологической категории, в отличие от композиции, представляющей материальное воплощение структуры в тексте. В последнем исследовании Ю. М. Лотман во многом развил новые положения, в которых текст понимается как поле взаимоотношений системных и внесистемных элементов и включает возможность различных вариантов его развертывания. В «Культуре и взрыве» ученый представил комплекс идей, во многом совпадающих с трудами европейских постструктуралистов, но отличающихся своеобразной трактовкой основных черт литературного процесса.

Ключевые слова: структурализм; структура текста; ризома; постструктурализм; теория литературы; литературоведы.

Для цитирования: Шатин, Ю. В. Ю. М. Лотман и проблемы теоретического литературоведения / Ю. В. Шатин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 50-54.

**Yu. M. LOTMAN
AND THE PROBLEMS OF THEORETICAL LITERARY CRITICISM**

Yuri V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract. In the article, the author tries to assess the contribution of Yu. M. Lotman to the development of basic concepts of literary theory, which, along with the study of the problems of culture studies and the history of Russian literature, played an extremely important role in philological science. Among the large number of monographs and articles written by the scholar from Tartu, “Lectures on Structural Poetics” (1964) and “Culture and Explosion” (1992) stand out. According to the author of this article, it was in these works that the main break through took place, which put up an end to the rule of dogmatic literary criticism and opened up new opportunities in the field of philology. In particular, in the first book, the concept of structure as an epistemological category was postulated for the first time, in contrast to composition, which represents the material embodiment of the structure in text. In the last study, Lotman largely develops a number of new ideas, in which the text is understood as a field of relationships between systemic and non-systemic elements and suggests the possibility of various options for its development. In “Culture and Explosion”, the scholar presented a set of ideas that largely coincide with the thoughts of European poststructuralists, but differ in the interpretation of the main features of the literary process.

Keywords: structuralism; text structure; rhizome; post-structuralism; literature theory; literary studies specialists.

For citation: Shatin, Yu. V. (2022). Yu. M. Lotman and the Problems of Theoretical Literary Criticism. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 50-54.

В 1964 г. вышла книга Ю. М. Лотмана «Лекции по структуральной поэтике». Благодаря ей тартуский исследователь, известный до этого как крупный исследователь литературы XVIII–XIX вв., вошел в круг теоретиков, круто изменивших лицо филологической науки. В мае 1965 г. при обсуждении этой книги в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) В. Е. Холшевников сравнил Лекции с первым паровозом, который при всем несовершенстве конструкции открыл новую транспортную эру, сделав бессмысленным тысячекилометровые передвижения конным транспортом.

Общая ситуация теории литературы к середине 1960-х гг. сохраняла догматический характер. Формой протеста среди молодых филологов того времени стало обращение к трудам теоретиков ОПОЯза. Сам русский формализм носил полузапрещенный характер. Профессора в своих лекциях изобрели хитроумную формулу, согласно которой метод формализма был вреден, так как не согласовывался с марксистско-ленинским тезисом о приоритете идейного содержания над формой, но зато каждый из отдельно взятых формалистов силой своего таланта преодолел методологические заблуждения и пришел к марксизму. При всей двусмысленности такая формулировка содержала часть истины. Образцы великолепного анализа Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и других не складывались в стройную теорию, оставаясь, по выражению В. Б. Шкловского, суммой приемов, и взывали к необходимости взрыва, коим и оказались «Лекции по структуральной поэтике».

Само слово «структура», вынесенное в заголовок, вряд ли могло раздражать сторонников традиционного подхода. Они и сами изредка употребляли его как замену термина «композиция». Заслуга Лотмана заключалась в кардинальном разведении этих понятий, структура становилась не онтологическим, а гносеологическим понятием, предшествующим композиции, материально закрепленной в тексте. По этому поводу тартуский исследователь шутливо замечал, что не стоит разрушать Зимний дворец, пытаясь найти в его основании спрятанный план Растрелли, по-

скольку он существовал в другом месте. Структура – это не набор элементов, но система функций. «Структурный анализ исходит из того, что художественный прием – не материальный элемент текста, а отношение» [Лотман 1964: 51]. Ю. М. Лотман приводит замечательный пример, показывающий различие между отсутствием рифмы в античном стихе и в современном русском. В первом случае – это закономерный компонент системы, во втором – отсутствие выступает как «минус-прием», значимая фигура на общем фоне рифмованных стихов. Вводя понятие минус-приема, Лотман уже к середине 1960-х гг. вплотную подходит к важнейшей категории пустоты, сыгравшей существенную роль в позднейшей философии искусства и оказавшей влияние на практику постмодернистского письма. Недаром главный герой романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» заметит, что любая форма – пустота, потому что пустота – любая форма.

Дальнейшее развитие идей московско-тартуской школы показало, что понимание структуры художественного текста включает как минимум три основных компонента: системность, модельность, иерархичность. Принцип системности реализуется в особом характере художественного языка. Объяснение этой особенности вызывало трудности как у формалистов, так и у сторонников традиционного подхода. С одной стороны, художественный язык использует все средства, присущие языку повседневному, с другой – автоматическая развертка языка повседневности сама по себе не способна создать художественный текст. Здесь очень плодотворной оказалась категория вторичной моделирующей системы. Поэтический язык не является ни языком естественным, ни искусственным языком, но образует третью ипостась, доминантой которой становится эксклюзивность высказывания, его установка на означающее, иконичность. Художественный язык всякий раз изобретается заново по мере создания текста, исключая какое-либо автоматическое развертывание.

Отсюда и необходимость понятия «авторская модель мира». С помощью художественного языка картина мира не отображается как при механической съемке на

телефон, но моделируется как один из возможных миров, построенных, исходя из логики одного из возможных миров, на основаниях, принципиально отличных от логики так называемого реального мира. Модель одновременно и шире, и уже объекта, запечатленного в слове. Уже, поскольку лишена многих конкретных деталей и в этом плане обречена на редукционизм, но шире, поскольку включает в себя предполагаемые, но не реализованные по тем или иным причинам черты замысла и требующие отдельного объяснения.

Наконец, важным моментом художественной структуры выступает свойство иерархичности, т. е. расположение элементов не в порядке их следования друг за другом, но в порядке их значимости. Регулятором такой значимости и выступает сама структура. Значимость того или иного элемента не может быть определена априори, но становится значимой в процессе текстообразования. В самом деле, никому не придет в голову подсчитывать соотношение гласных в «Войне и мире», но их значимость и расположение очевидны и бесспорны в лирических стихотворениях К. Д. Бальмонта, где они во многом определяют структуру.

Логическим продолжением идей «Лекций по структуральной поэтике» становится обращение к проблемам метаязыка в конце 1960-х гг. Лотман полагает, что ни так называемый естественный язык, ни язык художественный не могут гарантировать строгого и объективного описания структуры. В первом случае художественный язык просто теряет свою специфику и сведется к обыденным суждениям, во втором – будет подменяться другой художественной структурой. Изобретение метаязыка становится, таким образом, важнейшей задачей теоретического литературоведения. По сути, постановка такой задачи на десятилетия будет определять логику развития структурализма. На упреки традиционалистов, что метаязык убивает живую ткань произведения, Лотман отметил афоризмом, что ихтиолог вовсе не обязан становиться рыбой для того, чтобы описать мир обитателей водного царства.

Пожалуй, основной чертой творческой личности Ю. М. Лотмана являлось то обстоятельство, что его теоретические

идеи не затвердевали в виде статических схем и однозначных концептов, но всякий раз проецировались на историю литературы, встраиваясь в контекст животрепещущих проблем современной ему филологической мысли. Так, включившись в полемику о ценности стиховедческих работ русских формалистов, исследователь показал, что каждый из них в разной мере эволюционировал от формализма в сторону понимания стиха как структуры. В связи с этим он особенно выделил работу Ю. Н. Тынянова «Проблемы стихотворного языка», до того, по свидетельству М. Л. Гаспарова, не пользовавшуюся особой популярностью в среде стиховедов. Лотмановский анализ не только изменил оценку этого труда, но и позволил разглядеть в нем зачатки будущей семиотики, когда речь заходила о тесноте стихового ряда или эквиваленте стиха в «Евгении Онегине».

Определенную сложность вызывает вопрос об отношении Лотмана к его современникам из числа французских семиологов. По мере развития теоретических положений в трудах тартуского ученого они все в большей степени выходили за пределы литературы в смежные виды искусства, прежде всего в теорию кино, а затем в общую теорию культуры. И здесь исследователь вроде бы разделил судьбу французских коллег. Но было одно существенное отличие: в понятии «семиотика культуры» логическое ударение ставилось по-разному. Культура интересовала французов прежде всего как материал, позволяющий глубже проникать в недра общей семиотики, для Лотмана культура оставалась самодовлеющей ценностью, а семиотика оказывалась важным, но все же вспомогательным инструментом анализа. У обоих структурализм постепенно поглощался семиотикой, но это были две разные семиотики. Сказалась двойственность самой семиотики, поскольку «ее отношение к наукам двоякое: с одной стороны – это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это – инструмент наук» [Моррис 1983: 38]. Лотман и его французские коллеги оказались по разным сторонам семиотики.

Между тем во Франции структурализм к середине 1970-х гг. сменился новой научной парадигмой, получившей название постструктурализма. В известной статье

Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Ризома», а также в работах Ю. Кристевой шла демонстративная атака на основные постулаты структурализма – системность и иерархичность, порядок все больше и больше сменялся интересом к хаосу.

Отношение Ю. М. Лотмана к новым веяниям было далеко не однозначным. Не принимая участие в публичной полемике, он, судя по некоторым замечаниям, сохранял к ним настороженное отношение. Так, высоко оценивая значение трудов К. Леви-Стросса, он считал М. Фуко скорее философом, чем исследователем культуры, а, по мнению комментаторов, «отношение Лотмана к Барту в 1970-е гг. исключительно скептическое» [Пильщиков и др. 2018: 277]. Видимо, и оценка Делёза, Деррида, Кристевой, других лидеров постструктурализма не отличалась особым пиететом.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в развитии теоретических идей самого Лотмана к концу 1980-х гг. произошли существенные сдвиги. Свидетельством этому служит последняя работа «Культура и взрыв». Если ранний структурализм, говоря о системе, выносил за скобки все несистемные образования, то теперь «коренными вопросами всякой семиотической системы является, во-первых, отношение к внесистеме, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике» [Лотман 1992: 7]. Всякий текст, помимо его настоящего – структуры, содержит в себе «застопоренный» момент между прошлым и будущим. Так, «обращаясь в будущее, аудитория погружается в пучок возможностей, еще не совершивших своего потенциального выбора. Неизвестность будущего позволяет приписывать значимость всему. Знаменитое чеховское ружье, которое, по указанию писателя, появившись в начале пьесы, обязательно должно выстрелить в ее конце, отнюдь не всегда стреляет. Чеховское правило имело смысл лишь в рамках определенного жанра, к тому же отстоявшегося уже в застывшие формы. На самом деле, именно незнание того, выстрелит ружье или нет, окажется ли выстрел смертельной раной или имитирующим ее падением банки, придает моменту сюжетную значимость» [Лотман 1992: 27-28]. Иначе говоря, всякий текст содержит в себе

заряд гипертекста, если воспользоваться термином Ж. Женетта.

Конечно, семиологическое понимание пространства в «Культуре и взрыве» отлично от содержания, вложенного постструктурализмом в понятие ризомы. «Семиологическое пространство заполнено свободно передвигающимися обломками различных структур, которые, однако, хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут бурно реставрироваться» [Лотман 1992: 177]. Культурная память – один из немногих моментов, отделяющих последнюю работу исследователя от постструктурализма.

В то же самое время то, что роднит пафос «Культуры и взрыва» с манифестами постструктуралистов, – это постулирование принципа свободы, приводящее в конечном итоге к взрыву. Так, поведение сумасшедшего «придает его действиям непредсказуемость. Последнее качество, разрушительное как постоянно действующая система поведения, неожиданно оказывается весьма эффективным в моменты остроконфликтных ситуаций» [Лотман 1992: 65]. Искусство как область свободы играет здесь особо значимую роль. «Резкое возрастание степеней свободы по отношению к реальности делает искусство полюсом экспериментирования. Искусство создает свой мир, который строится как трансформация внехудожественной действительности по закону “если ... то”. Художник сосредотачивает силу искусства в тех сферах жизни, в которых он исследует результаты увеличения свободы» [Лотман 1992: 234].

Увеличение степеней свободы включало для Лотмана и отказ от излишней жесткости в подходе к изучению произведений литературы и искусства. По справедливому замечанию представительницы московско-тартуской школы, «структурализм, стремление к объективности, к закономерностям – в чем-то поразительное явление. Эта модель так напоминает тоталитарное государство. А может быть, это было изживание этой модели» [Ревзина 2005: 309].

Для историков литературоведения, отрицающих движение Ю. М. Лотмана в сторону постструктурализма, именно «Культура и взрыв» оказывается непреодо-

лимой преградой. Временами аргументы, приводимые для такого отрицания, с трудом поддаются верификации, а иногда и противоречат фактам. Так, Н. С. Автономова утверждает, что «средоточием нового Лотмана обычно видится “Культура и взрыв” (1992). Эта книжка, с которой связывается больше всего притязаний на Лотмана-постструктуралиста, была надиктована тяжело больным Лотманом и создавалась в смутное и тревожное время» [Автономова 2009: 216]. Здесь не все так однозначно. Не будем говорить о смутном и тревожном времени. Что же касается основных идей, то они в полном интеллектуальном здра-

вии были изложены ученым в знаменитой лекции, прочитанной в МГУ в сентябре 1991 года, и в книге не подвергались существенным изменениям.

На мой субъективный, вероятно, взгляд, наибольшую ценность для теории литературы представляют две работы Лотмана – первая и последняя: «Лекции по структуральной поэтике» и «Культура и взрыв». Все, что лежит между ними, является либо развитие идей первой, либо предвосхищение мыслей в последней. Собственно, в них и произошли два взрыва, кардинально изменивших теоретический облик отечественной филологии.

Литература

- Автономова, Н. С. Открытая Структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – М., 2009. – 503 с.
- Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике: Введение в теорию стиха. Вып. 1 / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1964. – 176 с.
- Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М., 1992. – 270 с.
- Лотман, Ю. М. О структурализме. Работы 1965–1970 гг. / Ю. М. Лотман ; комм. И. А. Пильщиков [и др.]. – Таллин, 2018. – 484 с.
- Моррис, У. Основания теории знаков / У. Моррис // Семиотика. – М., 1983. – С. 37-132.

References

- Avtonomova, N. S. (2009). *Otkrytaya struktura: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Opened Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow. 503 p.
- Lotman, Yu. M. (1964). *Lektsii po struktural'noi poetike: Vvedenie v teoriyu stikha* [Lectures on Structural Poetics: Introduction to the Theory of Verse]. Issue 1. Tartu. 176 p.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow. 270 p.
- Lotman, Yu. M. (2018). *O strukturalizme. Raboty 1965–1970 gg.* [About Structuralism. Works of 1965–1970]. Tallinn. 484 p.
- Morris, U. (1983). *Osnovaniya teorii znakov* [Foundation of the Theory of Signs] In *Semiotika*. Moscow, pp. 37-132.

Данные об авторе

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). Адрес: 630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.
E-mail: shatino8@rambler.ru.

Author's information

Shatin Yuri Vasilievich – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Literature Teaching Methodology, Novosibirsk State Pedagogical University; Chief Researcher of Literary Studies of Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 20.02.2022; дата публикации: 30.03.2022 Date of receipt: 20.02.2022; date of publication: 30.03.2022